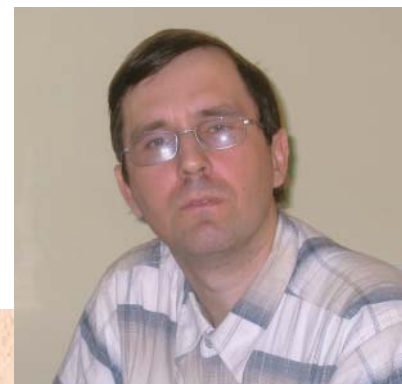

АРХЕОЛОГИЯ... на ФРОНТЕ РУССКИЕ УЧЕНЫЕ В ТРАПЕЗУНДЕ

Д. Н. СТАРОСТИН

СТАРОСТИН Дмитрий Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.
Область научных интересов: средневековье, история науки

В публикации использованы рисунки Г. К. Мейера

На этой акварели Г. К. Мейера Траpezундский кремль смотрится более «живописно», нежели на фотографии.
На фото сверху остатки акведука

В 1916 году, в самый разгар Первой мировой войны, группа русских ученых оказалась в Траpezунде. История Византии традиционно интересовала отечественных исследователей — в частности, и потому, что Россия всегда ощущала себя ее наследницей на исторической сцене. При этом для большинства русских византистов наиболее «лакомым кусочком» для изучения представлялся Константинополь — причем Константинополь эпохи расцвета (то есть до 1204 года, когда крестоносцы сокрушили Византию). Но в годы Первой мировой войны нашим историкам пришлось проявить гибкость и несколько переориентироваться. Причиной тому стали прихотливые сюжеты военных действий, в результате которых Траpezунд на время стал «русским» городом.

Изучение его памятников могло дать уникальный материал, относящийся к периоду заката Византийской империи.

Несмотря на то, что Траpezунд был одним из старейших городов мира, долгое время он оставался одной из сравнительно глухих провинций Римской империи. В поздней античности здесь проходила ее граница. Стратегию римской армии в этих местах можно сформулировать одной фразой — бороться с внешними врагами малыми силами. Следствием этого стала организация сети хороших дорог при весьма малочисленных и разрозненных гарнизонах. Тем самым повышалась мобильность воинских подразделений — они могли быстро перемещаться вдоль границы, в зависимости от того, откуда исходила наибольшая опасность.

Но римские императоры особенного интереса к этим краям не испытывали и появлялись в них редко.

Громко заявила о себе новорожденная Траpezундская «империя» после образования Латинской империи в Константинополе (1204 год). Последней, «осколку» великой Византии, угрожали со всех сторон. Провести жесткую централизацию ей не удалось — Латинская империя не сумела собрать воедино даже центры греческой культуры. В этих условиях Траpezундская «империя», избавившаяся от жесткого давления Константинополя, зажила обособленной жизнью, подобрав под себя византийские владения в Крыму, платившие ей дань. Впрочем, и сам траpezундский «император» платил дань сельджуцким султанам, признавая себя их вассалом.

Возникновению относительно самостоятельной Траpezундской «империи» поспособствовали и чисто экономические причины — она сформировалась «вокруг» центра экономической активности, вызванной тем, что торговые пути, связывавшие в те времена Северное Причерноморье и Закавказье, с одной стороны, и регионы Малой Азии, с другой, были проложены именно в этих местах.

Но понятно, что сами временные границы существования Траpezундской «империи» не позволили ей стать более или менее достоверным источником сведений

Ф. И. Успенский

Церковь св. Евгения, широко почитаемого в Трапезунде

по ранней истории Византии. Большинство сохранившихся построек и христианских «свидетельств» (книг и предметов культа) относятся к периоду, начинающемуся с правления последних императоров из династии Комнинов. Украшения и фрески трапезундских церквей вообще датируются десятилетием, непосредственно предшествовавшим окончательному падению Константинополя в 1453 году.

Для изучения реликвий Трапезунда и была организована легендарная Трапезундская экспедиция 1916–1917 годов.

Напомним, что Турция, ставшая в начале XX века союзником Германии и Австро-Венгрии, с началом боевых действий в Европе объявила войну России. От Турции зависела ситуация на Балканах, к которым наша страна издавна проявляла стратегический интерес. Тут многое связалось — и традиционная поддержка освободительного движения греков и балканских славян, рвущихся из слабеющих рук Оттоманской империи, и стремление

овладеть Босфором и Дарданеллами, открывавшими выход из Черного моря в Средиземное, и идеология панславизма («Константинополь должен быть наш!»), и шлейф исторического противоборства...

Трапезунд, крупнейший порт на востоке Турции, был для нее важнейшей стратегической позицией. Через него шла «подпитка» турецкой армии. Естественно, что взятие Трапезунда русскими привело бы, по меньшей мере, к установлению российского контроля над частью территории Турции и значительно ослабило бы ее (предполагалось даже, что это могло кончиться полным разгромом Турции). В январе 1916 года началось наступление частей (Приморский отряд) генерала В. Н. Ляхова на Трапезунд. В начале апреля 1916 года пятнадцатитысячный русский отряд уже был на подходах к Трапезунду. Здесь наступавшие получили морем подкрепления (две пластунские бригады численностью 18 тысяч человек). Штурм города длился недолго. Солдаты форсировали бурную холодную реку

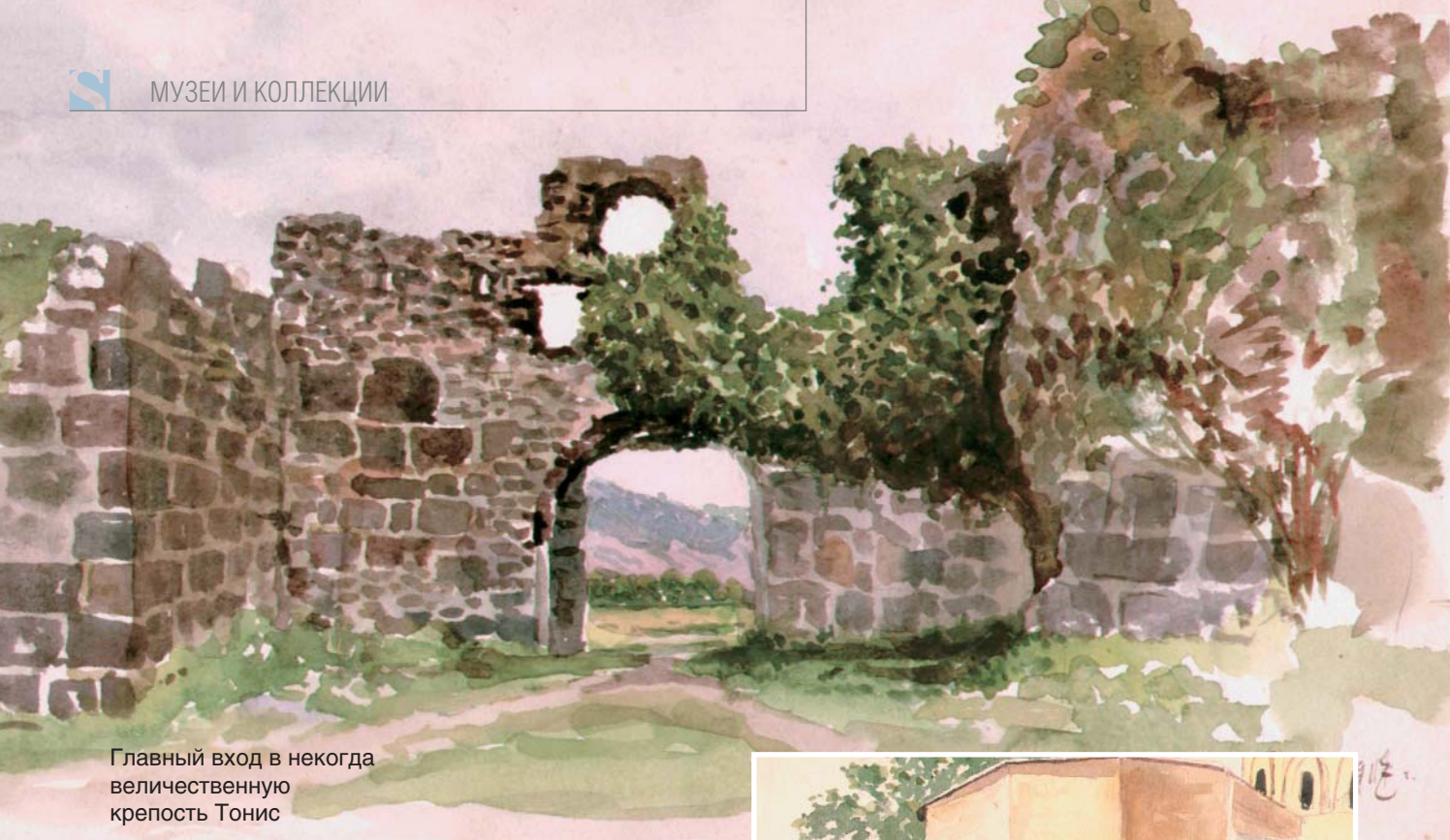
и, поддержанные огнем кораблей Черноморского флота, выбили турок из окопов. 5 апреля русские войска вступили в Трапезунд.

Чуть позже в городе появились ученые Трапезундской экспедиции, целью которой было изучение и сохранение исторического наследия на территориях, принадлежащих России по праву войны. Поначалу ее статус не был четко определен. Экспедицию предприняли на средства Русского археологического института в Константинополе. Это единственное наше зарубежное научное учреждение вело свою историю с 1894 года. Его бессменным директором был выдающийся славист и византист академик Федор Иванович Успенский (1845–1928). После разрыва дипломатических отношений с Россией в 1914 году турецкие власти закрыли институт. С захватом русскими войсками Трапезунда перед оставшимися не у дел сотрудниками института открылось новое поле деятельности. Ради справедливости отметим, что сам Успенский считал Трапезундскую экспедицию временным занятием, — он был уверен, что в самом скором времени русские солдаты будут маршировать по улицам Константинополя.

Отношение академика к делу исследования и сохранения памятников византийской истории в Турции прекрасно иллюстрирует его докладная записка министру иностранных дел графу П. Н. Игнатьеву (так, впрочем, и не дошедшая до адресата). Он написал ее 18 апреля 1916 г., спустя две недели после занятия Трапезунда нашими войсками. Цитируем:

«Милостивый государь граф Павел Николаевич, имея в виду, что командирование лиц, избранных Академией Наук и Русским Археологическим обществом для посылки в Трапезунд встречает неожиданное затруднение, а равно принимая во внимание, что заседание с разрешением этого вопроса наносит существенный ущерб самому делу, ради которого предположена посылка, нахожу справедливым ходатайствовать перед Вашим Сиятельством о распоряжении поручить директору

Трапезундскую экспедицию временным занятием, — он был уверен, что в самом скором времени русские солдаты будут маршировать по улицам Константинополя.

Главный вход в некогда величественную крепость Тонис

Гробница трапезундского «императора» Алексея IV Комнина, окончившего свои земные дни в 1429 году

Русского археологического института в Константинополе приступить к исполнению его обязанностей на турецком фронте».

Из этой записки видно, что проведение Трапезундской экспедиции Ф. И. Успенский считал делом срочным и что он предполагал подключить к этим занятиям Русский археологический институт в Константинополе, эвакуировавшийся отсюда с началом войны.

Министерство иностранных дел активно занималось сохранением исторических памятников на территориях, занятых русской армией. Это была принципиальная «идеологическая» позиция. В войне, которую английские и французские газеты нарекли сражением цивилизованных стран с тевтонским варварством, важны были не только военные успехи. Не менее важным было и создание «цивилизованного» образа России.

Трапезундскую экспедицию назвали «археологической». Это название являлось отчасти номинальным. На первом месте стояли описание и «консервация» памятников старины, раскопки же вести предполагалось лишь по мере возможностей.

Сохранился фрагмент черновика доклада, посвященного задачам, которые стояли перед русскими учеными в Турции. В нем Успенский выступает не столько крупным исследователем, сколько политиком со сложившейся системой взглядов. «С занятием Трапезунда, — писал академик, — мы достигли значительного успеха в политическом отношении. Здесь мы вошли с соприкосновением с самой дисциплинированной политической силой, которой принадлежит бесспорное

влияние по всей береговой полосе Анатолии. Кроме того, вступив в Трапезунд, мы овладели столицей империи, имевшей важные политические задачи и обширную миссию».

Кстати, ряд фраз из этого текста убеждает в том, что византист знал (или догадывался) о существовании планов по разделу территории побежденной Турции и созданию независимого государства с центром в Трапезунде.

Ф. Успенский дважды посещал Трапезунд с длительными командировками. О характере организованных им научных работ дает представление отчет, представленный им в Академию наук. В частности, в нем отмечается, что была «выяснена историческая и художественная ценность трех христианских па-

мятников-церквей, обращенных в мечети: 1) Св. Софии, 2) Панагии Златоглавой, 3) Св. Евгения».

Вместе с тем Успенскому приходилось решать в Трапезунде не только научные, но и административные вопросы. И снова лучше всего об этом поведает его «прямая речь»: «Дело переходило от районного начальника в строительную дружину и городскую думу, которые уклонялись от расходов по ремонту, хотя и располагали в своем бюджете суммой на охрану памятников. Чтобы облегчить разрешение вопроса, я заявил, что расходы принимаю на средства археологической экспедиции. Таким образом, первостепенный и в своем роде единственный памятник, к которому местное греческое общество не сможет иначе относиться как к национальному достоянию, предохранен был от угрожавшего ему разрушения на русские средства! Памятник обнесен по моему ходатайству железной решеткой, доставленной городским управлением из своих складов».

Бороться приходилось буквально на каждом шагу. И не всегда успешно. К 1917 году оптимизм академика резко пошел на убыль, уступая место пониманию того, что задача сохранения культурного наследия в данных условиях практически невыполнима. Цитируем документ из отчета Ф. Успенского о поездках в Трапезунд, отправленного в Академию наук в 1917 году: «В Особый закавказский комитет. Имею честь просить внимания комитета, государственное значение коего постепенно выясняется для меня по мере углубления в дело, возложившее на меня правительством. Уже второе лето занимаюсь в Трапезунде и его окрестностях археологическими памятниками и принимая меры к регистрации и охране их, насколько это допускает военное положение в стране и поскольку военные интересы не преобладают над требованиями археологии, я неоднократно приходил в крайнее смущение перед вопросом: как охранить предметы искусства, рукописи, книги и проч. от расхищения и порчи в то время, когда ключи от памятников — разумеются прежде всего мусульманские мечети, обращенные в таковые из христианских церквей, — находятся не в ведении археологической экспедиции, и когда доступ в мечети, как это было в прошлом году в мае и как повторилось в нынешнем 1917 году в июне, был открыт для всех уже в силу того простого факта, что двери в мечетях были сняты (св. София), ключей и запоров не было совсем,

Фотография Трапезундского кремля, хранящаяся среди бумаг Трапезундской экспедиции

хотя двери поправлялись и замки покупались несколько раз в год. Неизбежность и повторяемость взлома запоров и проникновение в мечети посредством выемки железных прутьев в окна, где представлялись трудности для взлома дверей, есть факт слишком общеизвестный в Трапезунде, равно как и порча, расхищение и продажа книг и рукописей и разных предметов искусства». Согласитесь — это уже почти вопль отчаяния.

После Февральской революции возникла необходимость официально подтвердить статус Трапезундской экспедиции. То, что раньше делалось за счет авторитета влиятельных академиков, поддерживавших личные отношения с высшими чиновниками, теперь потребовало «государственного» оформления. В начале марта 1917 года известный археолог И. Я. Стеллецкий возглавил «Археологический отдел при Генерал-губернаторстве областей Турции, занятых по праву войны».

Но времена наступали уже трудные. Судьба самой России оказалась под вопросом. Планам, вышедшим из недр «Археологического отдела», не суждено было сбыться. Большинство бумаг подверглось разграблению. Это стало одной из причин того, что от экспедиции в архиве сохранилось сравнительно малое количество материалов. В основном это планы и обмеры церквей, копии росписей на стенах, фотографии районов Трапезунда и основных его достопримечательностей. Рукописи и документы, о которых так заботились Ф. И. Успенский и И. Я. Стеллецкий, исчезли.